Фестиваль шел неделю. Я очень боюсь, что вела себя на нем, как полагается юному московскому театральному критику, то есть наивно и высокомерно. Что мог человек, только что прослушавший курсы и спецкурсы про Шекспира, Ермолову, Щепкина, Мнушкину и, главное, Белинского, сказать об армянском молодежном театре конца 80-х годов XX века? Понятно, что ничего хорошего, в смысле — только плохое. Скорее всего, так оно и было, потому что единственное, чего я из этой недели не запомнила вовсе — это, собственно, театр.
Милосердная черная дыра в памяти, ни одного проблеска сознания, как корова языком. Все остальное сохранилось, запомнилось на слух, отпечаталось на сетчатке глаза: узкая детсадовская кровать в гостиничном номере, огромная пустая столовая с высоченными потолками, какая-то совсем чужая еда — в тарелки с горячим всем накладывали сразу три гарнира, гречку, рис и еще какое-нибудь пшено, недопустимая эклектика. Помню, какими непохожими на знакомых московских армян, ассимилированных, никогда нигде, кроме Москвы не живших, выглядели армяне «настоящие» — изящные, с мелодичными голосами и бездонными глазами потомков Урарту. Помню одного из них, чьего-то улыбчивого друга или племянника, в один из вечеров заглянувшего в мою комнату с вопросом, не хотелось бы мне провести с ним ночь — в ответ на отказ он деликатно улыбнулся, извинился и закрыл за собой дверь со стороны коридора, не переспрашивая (и надолго остался в моей памяти самой яркой иллюстрацией тезиса «лучше жалеть о том, что сделал, а не о том, чего не сделал»). Помню экскурсии к остаткам древних крепостей (или храмов?), руины почему-то немыслимого матово-розового цвета, которые на расстоянии одного метра казались не каменными, а бархатными. Самую странную встречу, в той же фестивальной столовой, с незнакомым человеком средних лет: с густым армянским акцентом он оптимистично и пламенно объяснял мне, что является членом общества «Память», потому что русских нужно любить и уважать, только русские помогут, всегда помогали, потому что лучшие, гораздо лучше нас, армян.
Политическая эксцентрика в 1988-м тоже еще не была массовым жанром, и встретить живого армянского русского националиста было тревожно. Вообще, странным образом чувство беспокойства и надвигающейся беды возникало именно от повального дружелюбия окружающих, совершенно искреннего, но омраченного глубоко спрятанной тяжелой озабоченностью. Так дружелюбны бывают люди в доме, где есть смертельно больной человек — все силы уходят на лечение и уход, страшно повысить друг на друга голос, нервы и так вот-вот не выдержат.
Через неделю дорога повторилась в обратном порядке — вокзал, ночь в поезде, Ереван. До самолета оставалось больше суток, нас (нескольких московских гостей фестиваля) расквартировали в центральной гостинице. Называлась она, кажется, «Армения», наверное, никак по-другому называться не могла. У нас появилось время разглядеть не досмотренное по приезде чрезвычайное положение.
Хотя и не слишком много времени: после семи из гостиницы выйти было нельзя, не в смысле просто запрещено, а в смысле выход блокировали вооруженные люди. Кого-то периодически искали по коридорам, уборщица рассказывала, что прошлым вечером штурмовали здание главпочтамта. Дневной город с первого взгляда был похож на какой-то странный муравейник, почему — становилось видно со второго взгляда: больше, чем по трое, ходить было нельзя, на моих глазах вышедшие после уроков школьники разбились на тройки, улица кишела отдельными крохотными группками... Откуда столько уважения к административному предписанию? Чтобы зауважать, достаточно было по ходу заглянуть в любую боковую улицу около гостиницы. Как выглядит танк на городской улице, я увидела впервые, до 1991-го оставалось еще три года. С тех пор я знаю: выглядит внушительно и отвратно, ползучая железяка с хоботом и глазами, в одиночку заполняющая собою все пространство между домами. Собственно, знакомство с танком (вполне мирное) и превратило все остальное — от разбитых окон поезда до разговора с обществом «Память» — в концентрированное ощущение несчастья. С этим несчастьем в голове, проснувшись только наполовину, я ехала в аэропорт на какой-то неудобный предрассветный рейс 7 декабря. Видимо, один из последних, взлетевших в тот день.
И так толком и не проснувшись, по прилете добралась до московской квартиры. Моих родителей в тот день мне жалко до сих пор. Разумеется, за всю командировку я ни разу с ними не разговаривала — откуда? Телефонов не было ни в одной гостинице, ни в другой, и в карманах их тоже не носили. В театральном союзе перепутали дату прилета, маме назвали время на полдня раньше, вечером 6-го,— не дождавшись меня, она позвонила во Внуково, там сказали, что рейса нет в карте полетов, и потом почему-то «ждите сведения о падении». «Прождав» несколько часов, она включила радио, там уже был ад. Без числа погибших, но понятно, что десятки тысяч. С исчезновением города Спитак за полминуты. С полностью остановившимся движением на земле и в воздухе. С одномоментным коллапсом всего.
Наверное, мать осталась жива, потому что я приехала не через три часа после того, как она начала слушать новости, а примерно через час — руки с сигаретой и спичками у нее даже не тряслись, а летали по ломаной эпилептической траектории, их хотелось чем-нибудь связать, прибинтовать друг к другу, просто чтобы все это немедленно прекратилось.
Позже мы обзванивали знакомых московских армян, выясняя, нужны ли одеяла, теплые вещи, деньги, куда, кому, возьмите хоть что-нибудь,— но они сами не могли дозвониться никому и никуда и не в состоянии были думать об одеялах. К концу дня, так и не выключив ни на час новости, я по кругу думала одну бесконечную мысль: вот и все, все разрешилось, вот и нет больше никакого «конфликта вокруг Нагорного Карабаха», да и вообще никакого конфликта здесь, с нами, больше не может быть, никогда, случилась беда, отменяющая все остальные беды. Теперь будет мир.

11 декабря
при подлете к Ленинакану потерпел катастрофу самолет Ил-76МД военно-транспортной авиации советских ВВС; погибли 9 членов экипажа и 63 военнослужащих, призванных из запаса для ликвидации последствий Спитакского землетрясения.

ночь с 11 на 12 декабря
при подлете к Еревану разбился югославский военно-транспортный самолет Ан-12 с грузом помощи пострадавшим от землетрясения в Армении; погибли 7 членов экипажа.

12 декабря
в Армению начинает поступать регулярная помощь иностранных государств, в общей сложности помощь в ликвидации последствий землетрясения оказали 111 стран.

27 декабря
на заседании Политбюро ЦК КПСС, посвященном мерам по ликвидации последствий землетрясения, принято решение о выделении 50 млн руб. на восстановительные работы.

РОМАН ПОДЗЯНИ / ТАСС